
ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

A.A. Korobov, S.S. Smetannikov
Turkey's Influence
on the Regional Political
Processes in the Republic
of Crimea: Constructive Analysis

The article deals with the internal political processes in the Republic of Crimea after its annexation by Russia, and identifies internal and external factors determining and influencing these processes. The main attention is focused on the influence of the Republic of Turkey on the regional political processes of Crimea. Potential prerequisites and motives of such influence, as well as practical steps taken in this direction are considered.

Key words and word-combinations: regional policy process, ethnic and political system of the region, the Republic of Crimea, the Republic of Turkey, the Crimean Tatar community.

Рассматриваются внутриполитические процессы, протекающие в Республике Крым после ее присоединения к России. Выявляются внутренние и внешние факторы, детерминирующие и влияющие на эти процессы. Основное внимание фокусируется на влиянии Турецкой Республики на региональные политические процессы Крыма; рассматриваются как потенциальные возможности, предпосылки и мотивы такого влияния, так и уже предпринимаемые практические шаги в этом направлении.

Ключевые слова и словосочетания: региональный политический процесс, этнополитическая система региона, Республика Крым, Турецкая Республика, крымско-татарская община.

УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)

А.А. Коробов,
С.С. Сметанников

ВЛИЯНИЕ ТУРЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ: КОНСТРУКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Возросший интерес к региональным политическим процессам Республики Крым в контексте трансграничных взаимодействий государств Черноморского бассейна связан с присоединением в 2014 г. Крыма к Российской Федерации, спровоцировавшим резкое обострение международной обстановки. Региональная политическая система Крыма, оказавшись в переходном состоянии, стала довольно уязвимой для внешнего воздействия, что могло негативно отразиться на национальной безопасности России. Понимая это, российская власть приложила максимум усилий для скорейшего завершения трансформации политической структуры полуострова. Но в силу сложного неоднородного в этническом и конфессиональном плане состава населения присоединенной территории определенные каналы политической комму-

никации с иностранными государствами, в том числе с Украиной, Турцией, Румынией, Азербайджаном, остались неизменными, и через них стали предприниматься попытки извне повлиять на внутриполитические процессы в Республике Крым. Это обстоятельство актуализирует проблему внешнего воздействия (его форм, направлений, интенсивности, социально-политических последствий) на Крымский регион как в научно-теоретическом, так и в прикладном аспекте. В настоящей статье мы сосредоточим исследовательское внимание на одной стороне обозначенной проблемы – влиянии на внутрирегиональные процессы Крыма Турецкой Республики – государства, имеющего, с одной стороны, крепкие исторические связи с населением Крыма, а с другой – стратегическое экономическое партнерство с Россией.

Переход Республики Крым из состава Украины в состав Российской Федерации обусловил существенные изменения в ее региональной политической системе. Произошла смена всей партийной и общественно-политической системы (в частности, упразднены отделения украинских партий и созданы крымские отделения КПРФ, ЛДПР, ДПР, партий «Справедливая Россия», «Единая Россия», «Патриоты России» и др.), структуры государственных органов республиканской, муниципальной власти и местного самоуправления. Принципы формирования представительной и исполнительной власти Республики Крым как восемьдесят четвертого субъекта РФ были в ускоренном порядке приведены в соответствие с российским законодательством. Реструктуризация и перегруппировка затронули всю местную и республиканскую политическую элиту. Коренным образом изменилась и оппозиционная составляющая региональной политической системы Крыма. Но чтобы более детально разобраться в этом вопросе, необходимо выделить из общей региональной системы политических отношений этнополитическую структуру и подробно ее рассмотреть.

Этнополитическую структуру Республики Крым формируют три основных этноса: русский, украинский и крымско-татарский, которые составляют от общей численности населения Крыма 58,5%, 24,4% и 12,1% соответственно. Остальные 5% населения Крыма образуют представители 122 национальностей и народностей (белорусы, татары, армяне, евреи, поляки, молдаване, азербайджанцы, узбеки, корейцы, греки, немцы и др.) [1].

Одним из важных современных процессов в региональной этнополитической системе Республики Крым, оказывающим влияние на фундаментальное переустройство всей этой системы, является раскол крымско-татарского этноса на два политических лагеря: сторонников и противников российской власти. Меджлис, ранее представлявший политические интересы крымских татар как внутри Украины, так и на международном уровне, лишился своих исключительных прав говорить от имени всего крымско-татарского народа и напрямую взаимодействовать с иностранными государствами. Часть политически активных представителей крымско-татарского этноса в июне 2014 г. создала параллельную меджлису организацию «Крымское единство» («Къырым бирлиги»), которая была сразу вовлечена властью республики в процесс социально-экономического и политического развития Крыма и установила прямые политические контакты с крымско-татарскими общественными структурами и общинами

в Турции и Румынии в обход меджлиса. По инициативе организации «Крымское единство» в конце ноября 2014 г. в Симферополе была проведена конференция Общественного совета крымско-татарского народа; турецкие и румынские общественные организации прислали на эту конференцию своих представителей – и в качестве делегатов, участников конференции, и в качестве почетных гостей. Лидеры меджлиса, в том числе находящиеся за пределами Республики Крым, обвинили всех участников этой конференции в предательстве подлинных интересов крымско-татарского народа и пособничестве оккупационному режиму.

Несмотря на этот раскол, текущее состояние региональной политической системы Крыма вполне устойчиво, однако в ней имеется одно серьезно уязвимое место – ее этнополитическая подсистема. Относительное неравенство политических статусов трех системообразующих этносов Республики Крым превратилось в фактор риска для устойчивого развития региональной этнополитической, а значит, и всей политической системы. Публично заявляя об ущемлении прав крымско-татарского народа и об отсутствии у него реальных возможностей для реализации своих законных национальных (в смысле этнических) интересов, часть политически активных крымских татар превратилась в удобный объект для внешнего воздействия: эти политические и общественные деятели открыты к сотрудничеству со всеми иностранными оппонентами российской власти, будь то Украина, Евросоюз или США. Весь вопрос в том, кто из последних заинтересован в дестабилизации ситуации на Крымском полуострове и какими средствами, путями они могут перенаправить региональные политические процессы в выгодное для них русло.

Наиболее эффективным механизмом воздействия на этнополитические процессы в Республике Крым обладает союзник США и стран Европы по НАТО – Турецкая Республика. Этому есть ряд причин. Во-первых, крымские татары имеют тесные исторические связи с Турцией, где также проживает определенная часть их этноса (точное количество крымских татар в Турции подсчитать невозможно, так как там не ведется государственной статистики по национальному составу населения). Эти связи базируются на общей религии (ислам суннитского толка) и этнической близости турок и крымских татар, или, иными словами, на тюркской этнической солидарности. Во-вторых, представители крымско-татарского населения Крыма по многим своим вопросам традиционно взывают к руководству Турции, воспринимая его как своего большого покровителя. По всей видимости, такое восприятие Турецкой Республики крымскими татарами имеет под собой вполне объективные основания. Но еще более важно то, что образ Турции как верного защитника и покровителя крымских татар активно пропагандируется лидерами меджлиса, особенно Мустафой Абдулджемилем Джемилевым. В-третьих, на территории Турции имеется целая сеть политических радикальных организаций, проповедующих идеи пантюркизма (неопантюркизма) и активно распространяющих эту идеологию за пределами турецкой территории. Сторонников идей «Великого Турана» члены этих организаций находят практически во всех народах тюркской группы, в том числе и среди крымских татар, азербайджанцев, турок, турок-месхетинцев, татар, гагаузов – нынешнего населения Республики Крым, хотя эти идеи и не пользуются

особой популярностью. Не без участия неправительственных турецких организаций 5 июля 2013 г. в Киеве был учрежден Конгресс тюркских народов Украины (КТНУ). В самой Турции наиболее влиятельной и при этом абсолютно легальной пантюркистской организацией в настоящее время является консервативная Партия националистического движения (ПНД) с военизированным крылом «Серые волки». Среди других идеологически близких политических структур в Турции можно назвать Всемирный комитет турок, Всемирную ассамблею тюркских народов (прежнее название – Ассамблея тюркских народов (АТН), Турецкое национальное движение «Тюркеш» и другие. Существуют и ультрарадикальные группы, например «Очаги законного порядка» [2, с. 66; 3, с. 225–228].

Все изложенное свидетельствует о наличии возможностей у Турции влиять на политическое поведение крымско-татарского населения Крыма. Другое дело, насколько Турецкой Республике целесообразно вмешиваться во внутривнутриполитические процессы Республики Крым на фоне начавшегося расширения стратегического партнерства с Российской Федерацией. Если посмотреть в ретроспективе, то после окончания «холодной войны» и распада СССР Турция предприняла попытку распространить свое политическое и идеологическое влияние на государства СНГ, опираясь на так называемый «тюркский пояс народов», но в 1990-е годы эта внешнеполитическая затея провалилась. Десятилетие спустя Турция вернулась к пантюркистскому проекту, и на этот раз цель была достигнута: 3 октября 2009 г. учреждена новая межгосударственная структура «Совет сотрудничества тюркоязычных государств» в составе четырех государств: Турцией, Азербайджаном, Казахстаном и Киргизией. На первом их саммите (21 октября 2011 г., Алматы) были созданы руководящие / координирующие органы: Тюркская парламентская ассамблея и Совет старейшин [4]. Позже, в августе 2012 г., четыре тюркских государства даже приняли единый флаг по аналогии с единым флагом ЕС.

Между Анкарой и Москвой все последние два с половиной десятилетия сохранялись преимущественно добрососедские отношения. Это, однако, не мешало отдельно взятым турецким организациям, как, например, «Очаги законного порядка», оказывать всяческую поддержку боевикам и террористам в ходе вооруженного конфликта на Северном Кавказе. Но деятельность подобного рода группировок, направленная на дестабилизацию обстановки на Кавказе – в Абхазии, Нагорном Карабахе, Российской Федерации, была официально запрещена турецкой властью, их активисты преследовались по закону. В 2000-х годах в двусторонних российско-турецких отношениях стали доминировать взаимовыгодные экономические интересы, особенно в области энергетики. Пантюркистские устремления Турции вовлечь бывшие советские республики Средней Азии и Казахстан в орбиту своей политики не повлияли на реализацию проекта Москвы по созданию Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и Таможенного союза; вследствие чего между Россией и Турцией были сохранены доверительные партнерские отношения.

Современная внешняя политика Турции включает в себя два стратегических направления, продиктованных ее национальными интересами: во-первых, интеграцию в Европейский Союз (Турция – государство – кандидат на вступление

ние в ЕС с 1999 г.; член Совета Европы с 1949 г.); во-вторых, поддержание мира и стабильности по всему периметру ее государственных границ: на Ближнем и Среднем Востоке, в Черноморско-Средиземноморском регионе, куда входит Южный Кавказ, Россия, Украина, страны Балканского полуострова и Северной Африки [5]. Плюс к этому Турция остается членом НАТО, и, несмотря на появление в ее внешнеполитической деятельности определенной самостоятельности, независимости, в том числе в отношении создания объединения тюркских государств (что вызывает у ее союзников по североатлантическому альянсу легкую обеспокоенность), она продолжает быть проводником натовских интересов в регионе. Все это в совокупности повлияло на официальную позицию руководства Турецкой Республики по крымскому вопросу: Турция не признает законным отсоединение Республики Крым от Украины и вхождение ее в состав России. Но в то же время Турция выступает за сохранение нормальных партнерских отношений с Российской Федерацией. Давление на Анкару со стороны Евросоюза и США с целью изменить ее отношения к Москве пока результатов не принесло. Определенное давление на Анкару в вопросе крымских татар пытается оказывать и Киев, но в Турции это воспринимают как искусственное втягивание ее в противостояние с Россией и стараются не поддаваться на такую провокацию.

Сегодня можно наблюдать, как предпринимаемые Турцией действия отражаются на динамике этнополитических отношений в Республике Крым, в чем явно просматривается причинно-следственная связь между турецкой внешней политикой и региональными процессами в Крыму.

Во-первых, Турция оказывает влияние на этнополитические процессы в Крыму путем прямых двухсторонних переговоров с руководством Российской Федерации. Она формулирует проблему, являющуюся, с ее точки зрения, наиболее острой на текущий момент, сообщает о ней российской стороне с пожеланием ее решить, дожидается положительного обещания российского руководства, а затем мониторит ситуацию – как это обещание выполняется. В случае же нерешения или не достаточно эффективного решения, с точки зрения правительства Турецкой Республики, Турция вновь апеллирует к Российскому государству. Обязательным моментом всех этих процессов является их широкое информационное освещение в СМИ. Последнее делается прежде всего для информирования крымско-татарского народа о принимаемых Турцией мерах по заботе о своих единоверцах и соплеменниках.

Во-вторых, некоторые изменения в этнополитических процессах Крыма становятся отражением, преломлением официальных заявлений первых лиц Турецкой Республики: президента, премьер-министра и министра иностранных дел. Заметим, что все встречи между представителями Москвы и Анкары в течение 2014 – начала 2015 г. заканчивались заявлениями, одним из пунктов которых всегда был вопрос о положении крымско-татарского народа и реализации его прав и свобод. Однако руководство Турции не ограничивается заявлениями по крымско-татарскому вопросу только по итогам российско-турецких встреч. 17 сентября 2014 г. МИД Турции сделал заявление, полный текст которого размещен на официальном сайте ведомства [6]. В заявлении говорится о

непризнании итогов выборов в Государственный совет Республики Крым (дословно: «выборы в Автономной Республике Крым не имеют юридической силы для Турции») и «осуждается растущее давление на Национальную ассамблею крымско-татарского народа (дословно: National Assembly of the Crimean Tatar People), то есть меджлис, имеющее целью запугать крымско-татарский народ». Непризнание результатов выборов в Крыму 14 сентября и самих выборов, как таковых, со стороны Турции вселило оптимизм в некоторых общественных и политических деятелей крымско-татарского народа и повлекло за собой новый виток противостояния с представителями российской власти.

Заявление министра иностранных дел Турецкой Республики Мевлюта Чавушоглу, сделанное в январе 2015 г., о том, что Россия не выполнила взятые на себя обязательства по улучшению социально-политического положения крымских татар, возымело другое действие – усилился раскол в политически активной части крымско-татарского этноса. Занимающие должности в системе государственной власти Крыма представители указанного этноса выступили с опровержением слов главы МИД Турции (Ремзи Ильясов, Заур Смирнов и др.), а активисты Комитета по защите прав крымско-татарского народа срочно провели конференцию в Симферополе, на которой обратились к Президенту Турции Эрдогану и к Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций Пан Ги Муну с мольбой о помощи и защите. Противостояние двух политических лагерей внутри одного этноса с течением времени стало перерастать в прямую конфронтацию.

В-третьих, публичные акции и информационные кампании в поддержку крымских татар, организовываемые и проводимые населением Турции, также в определенной степени мобилизуют и активизируют протестные действия и политические выступления крымских татар. Об этом, например, свидетельствует всплеск негативных настроений среди крымско-татарского населения в июне 2014 г., когда в Турции различными общественными и неправительственными организациями был проведен ряд публичных акций, приуроченных к 70-й годовщине депортации крымских татар. Тогда была развернута целая пропагандистская кампания, осуждающая якобы попытки российских властей в Крыму уничтожить меджлис или, по меньшей мере, свести его общественно-политическую роль в регионе к минимуму. Если окинуть взглядом весь 2014 год, то можно увидеть, что представители различных общественных организаций и политических партий Турции, в том числе Народно-республиканской партии и Партии национального движения, организовывали антироссийские акции, демонстрации и пикеты в поддержку крымских татар в разных городах: в Эскишехире (2 марта – лозунги: «Турция, поддержи Крым!», «Крым – тюркская земля!»), в Стамбуле (8 марта – демонстрация возле российского консульства), в Анкаре (10 декабря – пикетирование Посольства Российской Федерации), и каждый раз акция находила отклик, в той или иной форме, у политической активной части крымско-татарского народа в Республике Крым.

В-четвертых, в рамках «народной дипломатии» одни общественные структуры Турецкой Республики налаживают отношения с пророссийскими объединениями крымских татар в Крыму, другие продолжают поддерживать связи с меджлисом и

отдельными его представителями, находящимися в настоящее время как в Крыму, так и за пределами полуострова. При этом старые связи не ослабевают, а новые укрепляются. По всей видимости, здесь мы имеем дело не с политикой двойных стандартов, а с банальным желанием Турции по всем направлениям усилить свои позиции в Крыму. Народная дипломатия используется властью Турции как технология «мягкой силы» в процессе продвижения своих политических и экономических интересов в Республике Крым при официальной твердой позиции Анкары непризнания российского суверенитета над полуостровом.

На этом основании можно сделать вывод, что некоторые импульсные изменения в региональной этнополитической системе Крыма становятся ответной реакцией на конкретное действие Турции. А если это так, то руководство Турецкой Республики имеет возможность с большой долей вероятности просчитывать направление в поведении политически активной части крымско-татарского этноса и, следовательно, управлять им. Теми же самыми официальными заявлениями своих первых лиц в отношении крымских татар Турция может как снижать накал противостояния между межджлисом и российской властью в Крыму, так и обострять его, добиваясь частичного сдвига региональной этнополитической системы в нужную Турции сторону.

Очевидно, что Турецкая Республика своими действиями «приводит в движение» оппозицию, этнополитические отношения в обществе (как минимум, повышает или понижает уровень их напряженности). Но здесь еще нужно учитывать, что в рамках одной региональной политической системы все политические процессы имеют между собой высокую степень корреляции. Изменения в динамике и форме одного регионального процесса приводят к изменениям в других процессах. За счет этого воздействие Турции на один какой-то процесс, например на деятельность оппозиционных политиков среди крымско-татарского населения, может привести к трансформации или структуры региональной политической элиты, или общественно-политической подсистемы Республики Крым. Следовательно, косвенное (опосредованное) влияние Турецкой Республики может распространиться практически на все региональные политические процессы Крыма. Но уровень эффективности турецкого влияния может быть различным в зависимости от внутривнутриполитической и социальной обстановки в Республике Крым. На наш взгляд, благоприятными условиями для результативного воздействия Турции на региональные процессы Крыма являются: а) отсутствие должного контроля и постоянного мониторинга за этнополитической ситуацией в регионе со стороны российской власти, б) высокий уровень автономности в административном управлении регионом, в) низкий уровень жизни большей части населения Крыма (бедность), г) низкая степень доверия граждан к органам государственной власти и другие, одним словом, все то, что существенно снижает сопротивление политической среды воздействию извне. В настоящее время перечисленных условий нет: российская власть во избежание образования очагов межэтнической конфронтации тщательно отслеживает и регулирует этнополитическую обстановку в Крыму, прикладывает большие усилия для повышения уровня жизни крымчан, повышает уровень социальной защиты населения, а за счет этого растет доверие

граждан к органам государственной власти в Республике Крым; это значит, что нынешнее влияние Турции на региональные процессы носит дискретный, фрагментарный характер, то есть сильно ограничено.

Для того чтобы в перспективе значительно усилить свое влияние на региональную систему политических отношений в Республике Крым, Турции самостоятельно или при помощи «третьих лиц» придется предварительно ослабить сопротивляемость социально-политической среды Крыма. Обычно это постепенный и довольно длительный процесс «раскачивания лодки», если, конечно, не происходит какого-нибудь форс-мажора. Поэтому в ближайшей перспективе Турецкая Республика вряд ли будет предпринимать активность в этом направлении.

В раскрытой схеме влияния Турции на региональные политические процессы Республики Крым неисследованным остается последний вопрос – об обратном влиянии динамики региональных политических, этнополитических отношений Крыма на поведение Турецкой Республики. Канал обратной связи в коммуникационной модели «Турция – Крым», безусловно, есть, хорошо отлажен и многофункционален. Он включает в себя и крымско-татарское лобби, группу поддержки на турецкой территории, разветвленные коммуникационные связи в области образования, науки, культуры, и миграционные каналы: определенная часть крымско-татарской молодежи из Республики Крым обучается в турецких вузах, там работает, имеет родственников и друзей. Все это в совокупности позволяет местному крымскому населению доносить свои проблемы, трудности, озабоченность до турецкой общественности и официальных органов власти Турции. Но при всем этом осязаемое влияние оказывается только на общественность – население Турции активно проводит публичные акции, митинги в поддержку своих соплеменников в Крыму, выступает с требованием к властям «не оставлять на произвол судьбы соотечественников». Органы же власти, реализующие довольно широкий спектр своих национальных интересов в Юго-Восточной Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, не так восприимчивы к просьбам населения Крыма. К тому же внешняя политика Турецкой Республики со времен Мустафы Кемала Ататюрка всегда отличалась высокой степенью прагматизма. На очередной встрече президентов Турции и Украины в Киеве 20 марта 2015 г. Реджеп Тайип Эрдоган ни разу публично не отозвался о России в негативном ключе. Однако полностью игнорировать требования манифестантов из числа крымско-татарской общины Турции все же не получается, поскольку эта община обладает немалым политическим весом. МИД Турецкой Республики, уступая ее требованиям, делает одно за другим официальные заявления: то о непризнании российского суверенитета над Крымским полуостровом, то о невыполнении Россией своих обещаний по защите прав крымских татар. Но не более того. В связи с этим мы можно констатировать, что по каналу обратной связи политически активной частью крымско-татарского этноса в Крыму осуществляется лишь опосредованное и довольно слабое воздействие на внешнюю политику Турции по следующей схеме: «политически активная часть крымско-татарского населения Крыма ® крымско-татарские общины Турции ® турецкая общественность, СМИ ® руководство Турецкой Республики».

В результате проведенного анализа можно сделать ряд заключений.

1. На наш взгляд, существует весьма ограниченное число региональных политических процессов, протекающих сегодня в Республике Крым, на которые может реально влиять Турция: деятельность оппозиции, развитие этнополитических и этноконфессиональных отношений и, отчасти, реструктуризация, перегруппировка региональной политической элиты. На большинство же политических процессов, таких как трансформация партийной и общественно-политической системы, структуры государственного и муниципального управления, развития органов местного самоуправления, избирательный процесс, Турция воздействовать не может.

2. Турецкая Республика обладает возможностью как открыто (легально) оказывать воздействие на региональные политические процессы Республики Крым, так и скрытно (латентно) влиять на внутривнутриполитическую обстановку в Крыму. Первое может осуществляться двумя методами: риторикой (громкими официальными заявлениями первых лиц Турции по ситуации в Крыму, разного рода обещаниями, адресованными крымско-татарскому народу и т.п.) и дипломатическими действиями в адрес Москвы (переговоры, формулировка просьб / требований, оказание давления на российское руководство). Скрытое влияние на региональные политические процессы Республики Крым Турция способна осуществлять посредством своих многочисленных легальных и полулегальных пантюркистских организаций, которые часто используются турецкими спецслужбами в аналогичных целях.

3. Степень влияния Турции на региональные политические процессы Республики Крым зависит от трех составляющих: от собственных национальных интересов на текущий момент, от давления на Анкару Соединенных Штатов и Евросоюза, от уровня противодействия со стороны России. Каждая из этих составляющих – величина переменная, изменяющаяся с течением времени в ту или иную сторону.

4. В свою очередь устойчивость региональной политической системы Крыма к внешним воздействиям Турции определяется совокупностью трех групп факторов: качеством российско-турецких двусторонних отношений, требованиями, предъявляемыми США к руководству Турции как члену НАТО по вопросу перекраивания государственных границ в Черноморском регионе, позицией крымско-татарского населения Крыма в отношении Киева, Анкары и Москвы.

5. Исходя из текущей международной ситуации и, особенно, из характера складывающихся российско-турецких отношений, Турция не заинтересована в эскалации этнополитической напряженности на Крымском полуострове. Турецкая Республика в ближайшей перспективе постарается употребить все свое влияние на нормализацию политической обстановки в Республике Крым, что, впрочем, полностью соответствует интересам ее национальной безопасности. Но международная обстановка может поменяться, и тогда Турции в своей внешней политике придется сложно маневрировать между реализацией собственных и отстаиванием натовских интересов.

Библиографический список

1. Численность и состав населения Автономной Республики Крым по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года // Официальный сайт Государственного комитета статистики Украины. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/crimea/>

2. Бурашников А.Б. Неопантюркизм и неоосманизм во внешней политике Турции // Известия Сарат. ун-та. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 65–69.
3. Сваранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М., 2002.
4. Надеин-Раевский В. Восточный вектор политики Турции (I). Реанимация «пантюркистского проекта» // Азия и Африка в современной мировой политике: сб. статей. М., 2012. С. 163–180.
5. Официальный сайт Посольства Турецкой Республики в Москве. URL: <http://moscow.emb.mfa.gov.tr/MFA.aspx>
6. Официальный сайт Министерства иностранных дел Турции. URL: http://www.mfa.gov.tr/qa_30_-17-september-2014_-statement-of-the-spokesman-of-the-ministry-of-foreign-affairs-tanjubilgi%C3%A7-in-response-to-a-question-regarding-turkey_s-position-with-respect-to-the-local-elections-held-in-crimea-on-14-september-2014.en.mfa

M.V. Gorbachev
The Analysis of the Political Image of Russia in China in the Context of the Implementation of Joint Regional Projects (Based on Materials of the National Chinese Newspaper “World People”)

The political image of Russia constructed by the nationwide Chinese media is analyzed. The key semantic constructs that form the contours of the perception of modern Russian politics by the Chinese society are outlined. The possibilities of joint Russian-Chinese political projects implementation in the context of Russia's image perception in China are grounded.

Key words and word-combinations: political projects, political image, political discourse.

Анализируется политический имидж России, конструируемый общенациональными китайскими СМИ. Выделяются основные смысловые конструкции, которые формируют контуры восприятия современной российской политики китайским обществом. Обосновываются возможности реализации совместных российско-китайских политических проектов в контексте восприятия имиджа России в КНР.

Ключевые слова и словосочетания: политические проекты, политический имидж, политический дискурс.

УДК 327(470:100)+327(510)
ББК 66.4(2Рос):66.4(510)

М.В. Горбачёв

**АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ИМИДЖА РОССИИ
В КИТАЕ В КОНТЕКСТЕ
РЕАЛИЗАЦИИ СОВМЕСТНЫХ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ
(по материалам
общенациональной
китайской газеты
«Женьминь Жибао»)***

Кризис на Украине стал мощнейшим катализатором ухудшения международных отношений России со странами Запада. Европейский Союз и США, несмотря на определенные разногласия в трактовке «украинской проблемы», ввели ряд санкций против России в 2014 г., подтвердив их действие в 2015 г. Стратегическим ответом нашей страны стала переориентация экономических

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 14-03-00112 «Политические проекты в дискурсивном пространстве современных российских СМИ».